

«Творческая» метафизика в контексте китайской культуры

В незапамятно древнем нет приёмов, и великая целостность не рассеяна. Когда же великая целостность рассеяна, появляются приёмы.

Ши Тао (рубеж XVII-XVIII вв.)

Что есть осмысленная преподавательская деятельность? Это – некая реальность, доступная лишь в символическом измерении, но переживаемая самим преподавателем как нечто первичное, предшествующее объективному опыту и знанию. Иными словами, «творческая реальность» есть нечто отсутствующее в любой данности и поэтому весьма лелеемое и сокровенное.

В центре образовательного процесса находится проблема символической связи между внешней данностью и внутренними ощущениями преподавателей, студентов. Не случайно в контексте восточной традиции красота выступает динамическим единством сокрытия и выражения.

Практика моего общения в ходе образовательного процесса с китайскими студентами показала, что творчество в их культуре никогда не выделялось в качестве самостоятельной области исследования. Неразделимость творческого и природно-естественного, творческого и практического воплощается в энергетической непосредственности китайских студентов. Любого из них, вне зависимости от социальной иерархии, с детства прежде всего обучают «хитрости». Но дифференциация, именование описываемого явления в контексте «хитрости», происходит с точки зрения западного человека или простого обывателя, а не китайца. Сам же китайский ребёнок ощущает подобное как умение бесконечно быть самоизменчивым, быть «пустым»; в каждой точке пространства, в каждый момент времени претерпевать превращение.

Любой китаец видит мир не через своё отношение к нему, а посредством «духовной затронутости», различных перспектив видения. Сначала он учится видеть мир, как его постигают другие: в традиции, ритуалах, этикете и т.д. Творчество приближается к подлинности. «Непротивление» создает некую творческую атмосферу. Творческий человек ощущает природную ритмичность и непроизвольность происходящего. Истинное творчество беспричинно и безучастно к внешнему, в нём нет ни неприязни, ни раздражения к большинству, не могущему его понять. Нельзя сказать, что творческий человек полностью равнодушен к общественному мнению, просто оно его не касается. Так соловей поёт свои песни не ради толпы, а потому, что поётся.

Мы не можем сказать, что нечто есть или его нет. Мы изначально обременяем эти утверждения модальностью. Ибо наши «познавательные» усилия – следствия того, что

происходит в нас самих. Не только то, что происходит между вещами, но и то, что творится в них, представляет настоящее реальное явление. Наш субъективный мир – единственный случай, в котором мы познаем внутреннюю природу вещи и имеем *cognitionem rei*, а не только *cognitionem circa rem*. Единственный путь составить себе представление о внутренней сущности, природе вещей – это мыслить их по аналогии с нами. Но «значимое» по возможности освобождено от притязаний индивидуального сознания. Оно очищено от субъективности и чисто объективно в той форме, в какой естественнонаучная объективность занимается поиском действительных предметов.

Предметы требуют от нас своего права на осмысление. Оказывается, что предметы – это то, что противопоставляется мне и моим мыслям как трансцендентное. При их «опрашивании» мы получаем ответ, зависимый от направлений вопроса. И рядом с осознанием физической действительности поднимается вопрос о признании особого статуса значения, должного.

Еще И. Кантом отмечалось, что существование не есть общее свойство всех вещей, и вследствие этого сущее не есть общий род, определяемый этим свойством. Это было знаменем разрыва наук о сущем и наук о сущем «как таковом», знаменем того, что мы вообще ничего не утверждаем о действительности, а скорее утверждаем нечто об утверждениях о действительности. Существование не является настоящим предикатом. Существование есть определенное свойство понятий, и оно не выразимо реальными предикатами, выражающими свойства вещей.

Вопросы существования – это вопросы существования категориально определённых объектов, образующих соответствующий универсум. Но объекты различных универсумов разнородны; то есть группы взаимоисключающих предикатов, выражающих возможные свойства и отношения объектов данного универсума, принципиально не применимы к объектам другого универсума.

Наивно считать, что студент или преподаватель являются субъектами, которые «провоцируют» творческий процесс, реально – это он их «провоцирует», чтобы заполнить «нами» свой семантический и прагматический вакуум.

В существующей технически-образовательной системе высокие аксиологические приоритеты и цели больше не имеют смысла, а также практической значимости. Студенты становятся обычным средством использования или, что еще страшнее, просто ресурсом, который никогда не иссякает. Преподаватели автоматически участвуют в марафонском забеге по совершенствованию своего и студенческого потенциала, но, объективно, не ради смысла, метафизической сути, а по инерции, ради самого процесса, ради дальнейшего роста. Если остановиться и задуматься, то, как у студента, так и у преподавателя, нет особых целей и задач, есть «векторность», но нет реального направления. Точнее, преподаватель и студент равнозначно становятся частью системы, которая никого и ничто не направляет, а лишь стремится к тотальной мобилизации и повышению качества виртуального благополучия, комфортабельности «всего сущего» для нас самих.

В китайской традиции средний уровень мастерства обучаемого – научиться повествованию, риторической завершенности, типизации. Высший же уровень – научиться «преемственности духа». Истинность познания в контексте китайской культуры удостоверяется эмоциональной непосредственностью познающего. В противоположность Индии, Японии, где жизнь является творческим, эстетическим процессом, в Китае творчество является продолжением жизни, «образностью без образов», как у В. В. Розанова, «рукописанием души».

Когда А. Швейцер показывал, что современная европейская культура не обладает этическим характером, он апеллировал к тому, что европейская этика занимается

«нашим отношением к людям», вместо того, чтобы иметь предметом «наши отношения к сущему».

Метафизическое творческое начало в китайской культуре обусловлено онтологизацией творчества. Творческая метафизика не тождественна метафизике творчества. В силу последнего, современный китайский философ Фэн Ю-Лань полагает, что мир только тогда можно осмыслить этически, творчески-духовно, когда этика, творчество не специфицируются ни предметно, ни методологически, ни категориально.

Таким образом, в китайской культуре творчество является чем-то подобным Абсолюту, оно произвольно и не подлежит рациональному рассмотрению. Такое творчество соответствует «контексту предельного смысла» (П. Тиллих), который, сам не будучи «смыслом», в перспективе задает последовательность всех культурных, семантических констант, в том числе и иерархию взаимоотношений, иерархию правил коммуникации.